

DOI 10.15826/izv2.2018.20.4.076
УДК 070.23:910.4 + 39(=511.132) +
+ 821.161.1-43 Сорокин

И. Е. Васильев

1) *Уральский федеральный университет*
2) *Институт истории и археологии УрО РАН*
Екатеринбург, Россия

«ПЕСТРОЕ КРУЖЕВО» ПИТИРИМА СОРОКИНА: БИОГРАФИЧЕСКИЙ КОНТЕКСТ, СОДЕРЖАНИЕ ТРАВЕЛОГА И ЦЕННОСТНЫЕ ПРИОРИТЕТЫ АВТОРА*

В статье анализируется произведение знаменитого русско-американского социолога, философа, исследователя культуры Питирима Сорокина, написанное в его молодые годы и опубликованное в газете «Вологодский листок» в 1911 г. «Пестрое кружево» представляет интерес как текст, показательный в нескольких отношениях — в частности, с точки зрения возможных причин выбора места публикации, влияния характера издания на художественные особенности травелога, а также реализации авторских ценностных представлений, отраженных в содержании текста. Изучение Вологды как места издания травелога показало многообразие культурной жизни губернского города, широту интересов читателей газеты «Вологодский листок», опубликовавшей дорожные заметки Сорокина. В статье высказывается предположение, что автор травелога создавал его с расчетом на массовую, но образованную аудиторию. Он стремился завоевать ее расположение и поэтому использовал соответствующие образные средства и стилистические ресурсы: эмоционально-оценочную лексику, непринужденную разговорность беседы, простые и внятные рассуждения от первого лица, обращение к житейскому опыту. Вместе с тем, прогрессивно мыслящий, честный интеллигент, каковым предстает нарратор «Пестрого кружева», использовал газету как трибуну для просветительских, пропагандистских целей. Будучи социал-революционером по своим политическим убеждениям, Сорокин обличает социальную несправедливость, вскрывает недостатки окружающей действительности, высказывает сочувствие

---

* Статья подготовлена в рамках проекта РФФИ «На границе литературы и факта: языки самоописания в периодической печати Урала и Северного Приуралья 19 — первой половины 20 в.» (№ 161400118).

© Васильев И. Е., 2018

обездоленным людям. Он любит природу, восторгается народными талантами. Произведение строится как очерково-документальное описание реального путешествия, в ходе которого автор наблюдает жизнь, встречается и разговаривает с попутчиками и местными жителями, собирает фольклор и этнографический материал. Увиденное и услышанное не только фиксируется и отображается, но подвергается аналитике и критическому рассмотрению с позиции приоритетов и ценностных предпочтений автора. «Пестрое кружево», с одной стороны, вписывается в ряд ранних публикаций, свидетельствующих об увлечении молодого ученого национально-исторической, этнографической жизнью коми-зырян, с другой — говорит о его включенности в политическую жизнь современности, растущем интересе к социокультурной проблематике.

Ключевые слова: травелог; ценности; культура; политика; газета; просвещение; фольклор; этнография.

Цитирование: *Васильев И. Е.* «Пестрое кружево» Питирима Сорокина: биографический контекст, содержание травелога и ценностные приоритеты автора // Изв. Урал. федер. ун-та. Сер. 2 : Гуманитар. науки. 2018. Т. 20. № 4 (181). С. 197–211.

Поступила в редакцию 16.06.2018

Принята к печати 17.09.2018

Igor Ye. Vasilyev

1) Ural Federal University

2) Institute of History and Archaeology,

Ural Branch of RAS

Yekaterinburg, Russia

PITIRIM SOROKIN'S *MOTLEY LACE*: BIOGRAPHICAL CONTEXT, THE CONTENT OF THE TRAVELOGUE, AND THE AUTHOR'S VALUE PRIORITIES

This article analyses the work of the famous Russian-American sociologist, philosopher, and cultural researcher Pitirim Sorokin, written in his young years and published in the newspaper *Vologodsky Listok* in 1911. *Motley Lace* is of interest as a text that is indicative in several respects; in particular, from the point of view of possible reasons for choosing the place of publication, the influence of the nature of the publication on the artistic features of the travelogue, and the realisation of the author's value reflected in the content of the text. The study of Vologda as a place of publication of the travelogue demonstrates the diversity of the cultural life of the provincial city, the breadth of interests of the readers of *Vologodsky Listok* which published Sorokin's travel notes. The article suggests that the author of the travelogue created it counting on mass but educated audience. He sought to win its favour and used imaginative means and stylistic resources accordingly, employing emotive and evaluative vocabulary, an informal tone of conversation, and simple and distinct first-person reasoning appealing to everyday experience. At the same time, the narrator of *Motley Lace* who appears to be a progressively-minded and honest intellectual uses the newspaper

as a platform for the purposes of education and propaganda. Being a convinced social revolutionary, Sorokin denounces social injustice, reveals the shortcomings of the surrounding reality, and expresses sympathy for the destitute. He admires nature and people's talents. The work is constructed as an essay and documentary description of a real journey, during which the author observes life, meets and talks to fellow travellers and locals, and collects folklore and ethnographic material. What he sees and hears is not only recorded and displayed but is subjected to analysis and critical consideration from the standpoint of priorities and value preferences of the author. On the one hand, *Motley Lace* fits in several early publications that testify to the keen interest of the young scholar in the national, historical, and ethnographic life of the Komi-Zyryans; on the other hand, it speaks of his involvement in the political life of his time and of his growing interest in the sociocultural problems.

Key words: travelogue; values; culture; policy; newspaper; education; folklore; ethnography.

Acknowledgements

The article is supported by the *Russian Foundation for Basic Research*, project 16-14-00118 “Between Literature and Fact: Languages of Self-description in the Periodicals of the Urals and Northern Priuralye from the 19th to the First Half of the 20th Centuries”.

Citation: Vasilyev, I. Ye. (2018). “Pestroie kruzhevo” Pitirima Sorokina: biograficheskii kontekst, sodержание traveloga i tsennostnye priority avtora [Pitirim Sorokin's *Motley Lace*: Biographical Context, the Content of the Travelogue, and the Author's Value Priorities]. *Izvestia. Ural Federal University Journal. Series 2 Humanities and Arts*, 20, 4 (181), 197–211.

Submitted on 16 June, 2018

Accepted on 17 September, 2018

Имя и труды Питирима Александровича Сорокина в советское время (начиная с момента вынужденной эмиграции в 1922 г.) были под запретом, поскольку, будучи эсером, он в годы революции и начала Гражданской войны занимал антибольшевистскую позицию. Ситуация изменилась с падением советской власти. В 1990-е и последующие годы появляется множество статей, материалов и книг о жизни и творчестве ученого [см., например: Голосенко; Дойков, 2008; 2009; Зюзев; Канев; Меняева; Сергеева; Тихонова]. Изучаются прежде всего его социально-философские, историко-социологические и этические воззрения и концепции. Исследователи интересуются Сорокиным как социологом и мыслителем, причем главное внимание уделяется второму, заграничному периоду жизни Сорокина — времени зрелости и мировых достижений, тогда как первые десятилетия его творческой биографии освоены недостаточно полно. Между тем российский период был не только этапом научного становления и подготовкой к будущим открытиям в социологии и историософии, но и годами поиска способов личностного самоосуществления, отличался разнообразием форм культурно-общественной деятельности. С учетом сказанного представляется перспективным рассмотрение одного из артефактов ранней биографии Питирима

Александровича Сорокина — произведения «Пестрое кружево», показательного с точки зрения исследовательских интересов, формирующегося мировоззрения (в частности, общественно-политических взглядов) и жизненных обстоятельств молодого ученого. В наши задачи входит выявление связи «Пестрого кружева» с действительностью и личностью автора (влияние публикаторских возможностей на текст, отбор и оценка жизненных реалий), характеристика ценностной позиции автора и ее проявления в произведении.

«Пестрое кружево» — это описание научной поездки, отчет об этнографической экспедиции в форме дорожных заметок, фиксирующих как наблюдаемую во время путешествия реальность, организуемую хронотопом пути и сюжетом передвижения, так и размышления автора, что позволяет использовать по отношению к данному произведению распространенное в последнее время обозначение «травелог»¹. Нужно сказать, что П. А. Сорокин был не первым, кто для решения творческих задач обращался к разновидностям литературы путешествий, в том числе по отношению к коми культуре. Например, травелог А. И. Попова «Путевые заметки от Усть-Сысольска к Вишерскому селению», опубликованный в «Вологодских губернских ведомостях» еще в 1848 г., исследователь и знаток коми литературы В. А. Лимерова в специальной статье определила образом жанра и назвала еще семь литературных коми травелогов XIX в.: «Плавание по Сухоне» И. Титова (1841), «Дневник Василия Николаевича Латкина во время путешествия на Печору в 1840 и 1843 годах» (1853), «Тотьма. Путевые замечания в трех письмах» Г. Лыткина (1853), «Прогулка по Княж-Погосту» П. Богданова (1853), «Поездка в Соловецкий монастырь» (1854) М. Истомина, «Поездка в Усть-Сысольск» В. Кичина, «В захолустье: из путевых заметок» М. Куклина (1882) [Лимерова, с. 119]. Столетием раньше «доктор и Академии Наук адъютант Иван Лепехин» выпустил четыре тома своих «Путешествий по разным провинциям Российского государства», в двух из которых есть материалы поездок в коми край [Лепехин, 1780, с. 271–296; 1805, с. 372–419]. Был ли знаком с этой литературой П. А. Сорокин — неизвестно, но вряд ли и нужна была ему необходимость ее учитывать при написании своего произведения. Такому образованному интеллигенту, каким уже был П. А. Сорокин в это время, вполне могло хватить знакомства с общероссийскими образцами², чтобы написать собственный травелог.

¹ Ср.: «...Травелог — не только документальный рассказ о поездке, экспедиции, исследовании, но повествование, подкрепленное историческими свидетельствами (зарисовками, картами), не чуждое сопоставительного анализа (что было на территории в прошлом, что теперь) и рефлексии пишущего (ожидания и увиденная реальность)» [Бондарева, с. 165; см. также: Майга; Мамуркина]. Большой массив литературы о травелоге представлен в монографиях и сборниках статей последних лет: [Беглые взгляды...; Литература путешествий...; Русский травелог XVIII–XX веков..., 2015; 2016].

² Уже в третьем предложении своего произведения Сорокин обнаруживает знание известных травелогов и подшучивает над Карамзиным с его «Письмами русского путешественника»: «...коли будешь серьезным, то того и гляди, что постигнет автора участь Карамзина, т. е. никто не будет читать, кроме гимназистов, а эти юноши ежели и будут читать, то не раз пошлют “ко всем чертям” и автора, и его письма (у Карамзина, чай, частенько-таки переворачивались в грубу косточки от таких пожеланий)» [Сорокин, с. 123].

Нелишним будет предположить, что ситуация с выбором творческих действий могла во многом определяться личностными особенностями П. А. Сорокина с его вечной тягой к путешествиям, смене места, расположенностью к людям и коммуникабельностью.

Но, конечно же, жажда новых впечатлений, процесс освоения пространства в случае с «Пестрым кружевом» существенно корректировались целевыми установками автора. Ведь эти путевые заметки родились в ходе индивидуальной экспедиционно-этнографической поездки двадцатидвухлетнего студента Санкт-Петербургского университета на коми-зырянскую родину в Вологодской губернии — из губернского центра на пароходах через Великий Устюг, Котлас и Яренск, потом на лошадях, как пишет автор, в «места слишком хорошо знакомые»: Межог, Римья (здесь в детстве Питирим гостил и неделями жил у сестры матери Анисьи и ее мужа Василия), Жешарт (родное село матери Питирима), Гам (в этом селе Сорокин закончил второклассную школу), далее в удорские³ поселения Буткан, Кослан, Венденга, Ёртом, Важгорт (до некоторых из них пришлось добираться даже на лодке). Этой экспедиции в одиночку предшествовала работа статистиком летом 1908 и 1909 гг. в официальной экспедиции по изучению Печорского края вместе с первым профессором коми-зырянским Каллистратом Жаковым, плодотворно участвовавшим в судьбе юного дарования (он помог Сорокину попасть на Черняевские курсы, обучение на которых способствовало получению среднего образования и поступлению в высшие учебные заведения Санкт-Петербурга — сначала в Психоневрологический институт, затем в Санкт-Петербургский университет). По результатам этих экспедиций Сорокиным были написаны статьи «Колонизационные вожеления» (1909), «Пережитки анимизма у зырян» (1910), «К вопросу об эволюции семьи и брака у зырян» (1911), «Современные зыряне» (1911). «Печорская экспедиция и колонизация зырянского края» (1911).

Увлечение коми-зырянским фольклором, изучение национальных традиций, обычаев и особенностей бытоустройства своих соплеменников (Сорокин по матери был коми-зырянским) в рамках научного подхода свидетельствовало о поиске профессиональной идентичности с помощью знакомого и родного материала. Энергичный, активный и целеустремленный, Сорокин стремился занять свое место под солнцем, стать заметной и значимой фигурой в научном сообществе⁴. Вологда и Архангельск как главные местные центры изучения

³ Удора, Удорская земля — часть территории Яренского уезда Вологодской губернии, сформировавшаяся в течение XV в. на ее северо-западе в бассейнах рек Мезень и Вашка. Проживавшая там этническая группа удорских коми (удораса) сложилась в результате слияния нижневыхгодских пермян с представителями прибалтийско-финских народов — вепсов, карел, а также с русскими. Территория распространения удорского диалекта в административном плане соответствует Удорскому району Республики Коми.

⁴ Осмысление многотрудной судьбы Питирима Сорокина и его успешной научной карьеры неизменно сопровождается контрастным сопоставлением начальной и конечной точек его жизненного пути. Ср.: «П. А. Сорокин — выходец из малого народа коми, что уже предопределяет стереотип восприятия его личности: в малом народе “вызревает” самородок, который становится ведущим социологом США, и это “автоматически” требует уважения и почитания» [Федорович, Шебокина, с. 205]. Идею собственного

жизни Севера предоставили начинающему ученому публикаторские возможности и общественную трибуну: все названные статьи, кроме первой, оставшейся в рукописи, были опубликованы в «Известиях Архангельского общества изучения Русского Севера», а интересующие нас дорожные заметки «Пестрое кружево» — в газете «Вологодский листок» за 1911 г.

Газета существовала с 1909 по 1918 гг. Первое время она называлась «Вологодский справочный листок», а с 1911 г. — «Вологодский листок». Небольшого формата, но четырехполосная, вмещающая самую разнообразную информацию от мировых событий до частных объявлений, от общероссийских и губернских новостей до фельетонов и юмористических заметок, газета была популярным массовым изданием, отражавшим жизнь второго десятилетия XX в. Она выходила в Вологде с периодичностью три раза в неделю и была рассчитана на широкую аудиторию. Сорокин с очевидностью учитывал неоднородность ее читательского состава, отсюда популяризаторство⁵, отсутствие развернутых научных выкладок, которые имеются в его специальных научных статьях, доступность его произведения. Ему важно было опубликовать произведение с публицистической, как мы увидим, нотой именно в газете как средстве массовой информации. Он явно не случайно, а скорее из желания расположить к себе читательскую публику использовал в названии «Пестрое кружево» отсылку к местной достопримечательности — замечательным вологодским кружевам⁶.

После небольшого вступления автор травелога почти сразу приступает к изображению встреч на палубе парохода «Преподобный Зосима», двигавшегося по направлению к Великому Устюгу. Разговор со случайным попутчиком, оказавшимся знакомым петербургским студентом, и беседа двух колоритных представителей зажиточного крестьянства новой «столыпинской» формации переданы сжато, но выразительно, с акцентом на главных разногласиях: студент едет на статистические работы в Устюжский уезд и расхваливает их организацию земскими инстанциями, а выделившиеся из общины богатеи жалуются на односельчан и сетуют на превратности, сопровождающие жизнь на отрубках и хуторах, Сорокин же не принимает похвал ни в адрес земской статистики, ни в адрес столыпинских аграрных реформ. Расхождение с прозвучавшими мнениями и обнаруженными позициями Сорокин выражает двояко: и прямым несогласием, отрицанием истинности утверждений его собеседников, и иронией над своими визави.

Так, высокая оценка земской статистики опровергается ссылкой на собственный опыт работы в «Печорской экспедиции», обнаружившей некомпетентность

культурного и профессионального роста акцентировал и сам Питирим. Так, в одном из писем на родину он писал: «Я из простого деревенского парня стал ведущим ученым не только Европы, но и Америки» [цит. по: Липский, Кротов, с. 133].

⁵ Сорокин отлично владел просветительским дискурсом и в начале 1910-х гг. неоднократно выступал в Вологде с публичными лекциями.

⁶ Вологда всегда была одним из главных центров русского кружевоплетения, а в XIX в. стала самым знаменитым. Интересно, что в городе даже существует специализированный Музей кружева.

и бестолковость значительной части статистиков, которая, пишет Сорокин, «со статистикой была знакома столько же, сколько я с жителями Марса». «Честь и хвала земству!» [Сорокин, с. 125] — саркастически итожит свой разоблачительный пассаж автор «Пестрого кружева». По поводу представляющих надежду Столыпина крепких хозяйчиков, типаж которых революционная интеллигенция определяла не иначе как «мироеды», «кулаки», солидарный с ней Сорокин с нотками сдержанного гнева пишет: «Спокойно и с сознанием своего права они выносили приговор народу, опоражнивая стакан за стаканом» [Там же]. Ироническое отношение к этим зажиточным мужикам обнаруживается в описании их как безликих «фигур», вся индивидуальность которых лежит в плоскости вещной атрибутики, символизирующей достаток: «Сидели и “дули” пиво три фигуры. Фигуры солидные, прочные, почвенные. На жилетах красовались цепочки, а у каждого на пальце виднелось по золотому кольцу» [Там же]. Аттестуя персонажей как «новое издание Колупаевых и Разуваевых», Сорокин апеллирует к авторитету Салтыкова-Щедрина, однако, очевидно, опасаясь впасть в сатирическую публицистику, спохватывается и останавливается: ведь начиная свои записки, он из двух зол, подстерегающих пишущего «дорожные письма»⁷, — серьезность (Сорокин шутливо использует просторечный синоним «сурьезность») и болтовня — выбрал второе:

Буду болтать и плести «пестрое кружево» о том, что Бог на душу положит. Коли смешно — посмеюсь, коли грустно — погрузу, а, может быть, кое-где и в «сурьезность» пущусь... Да и жизнь-то сама, читатель, разве не так же многолика и разногранна? И она ведь нестройна, как «русская действительность», бессистемна, как г. Вологда, и пестра, как «шахмаченое одеяло» устюжан! Коли сама жизнь уж такова, то нам и подавно приходится быть пеструшками [Там же, с. 124].

Пассажирам парохода не повезло с погодой. Первый день плавания был ветреным и дождливым. Ненамного выправилась ситуация и наутро: ветер стих, но погода оставалась хмурой. Сорокин пишет, что и «на душе было пасмурно». При взгляде на пассажиров третьего класса — выходцев из неимущих слоев народа — он подмечает привычные «нужду и забитость». Эти наблюдения тут же иллюстрируются сценкой разговора старушки и помощника капитана. Старушка сокрушается, что ей далеко добираться от пристани, просит ее высадить на берегу, там, откуда ей ближе всего до нужного места, но забронированное инструкциями и запретами начальствующее лицо непреклонно: «Говорят тебе нельзя. Не наша воля» [Там же, с. 126]. Автор записок не без горечи отмечает:

⁷ Сорокин называет здесь собственные заметки «дорожными письмами». Возможно, первоначально он планировал использовать для своего произведения именно эпистолярную форму, отсюда обращения к читателю, речевая непринужденность, разговорный колорит и почти фельетонные интонации. Такая стилистика господствует в нескольких первых газетных выпусках текста травелога, включая обширное описание жизни и быта устюжан. После Великого Устюга беседная «болтовня» все активнее подавляется «сурьезностью» в соответствии с переходом из зоны профанной современности в идеализируемое царство зырян с их сказочно-мифологическим прошлым, богатой духовной культурой, базирующейся на национальных традициях.

«И долго еще старушка упрашивала помощника, но логика жизни была неумолима. И у помощника такое симпатичное лицо, но, очевидно, тут, как и повсюду, была “не наша воля” и “нельзя”» [Сорокин, с. 126]. Завершается изображение сценки констатацией повсеместного отсутствия перемен к лучшему и широким обобщением: «Оживление Севера, о котором теперь трубят на всех улицах и перекрестках, пока что мало заметно...» [Там же].

Замешанное на иронии скептическое отношение Сорокина к современности широко развивается в презентации следующего этапа путешествия — пребывания в Великом Устюге. В этом городе родился его отец — «золотых, серебряных и чеканных дел мастер», специализировавшийся на реставрации окладов икон, изготовлении церковной утвари, ремонте храмов. Здесь жила сестра отца Анна с мужем Михаилом, у которых останавливался Питирим при подготовке к сдаче экзаменов за гимназический курс и гостил в следующем, 1910 году. Так что понятен удовлетворенный выдох путешественника по прибытию: «Вот я и в Устюге» [Там же]. Этот возглас раздается на фоне благолепной панорамы — визитной карточки не только старинного города, но всего того мира православных ценностей, в котором воспитывался, рос и выживал Сорокин в детстве: «Красив Устюг с реки. Весь берег усеян церквами, а там, вдали, одиноко белеется Троицкий монастырь. Зелень, синева неба, белизна зданий и румяно-золотая гладь Сухоны вместе со звоном колоколов составляли что-то целое, стройное, успокаивающее душу» [Там же].

Великий Устюг — это город не только церковной старины, но и купечества. Отсюда отмечаемые автором серьезность, степенность и «благочиние». Сорокин полагает, что эти качества идут издревле и придают городу стильность и самобытность. Однако это было раньше. Теперь же наступило время цивилизационных перемен, которые Сорокин называет культурой в кавычках. «Культура» — это веяние современности, связанное с распространением псевдоценностей, следованием моде, нивелированием качественного своеобразия. Конфликт старого и нового решается Сорокиным отнюдь не в пользу нового. Так, подмечает он, устюжане следуют европейской моде и вместо былых кафтанов поголовно носят «модные костюмы, сорочки, тросточки и т. д.», как в Питере. Женщины в массовом порядке все как одна сменяют одни аксессуары другими — одинаково стандартными и безликими. «О, Устюг вообще насчет моды и подражания не уступает обезьянам» [Там же, с. 127], — резюмирует автор. Да, город благоустраивается: появилось, наконец, уличное освещение, есть кинематограф, действуют два клуба, устюжане читают книги и журналы, отдыхают и устраивают променады на природе. Но, следуют ядовитые замечания, освещение появилось в результате силового давления исправника на купечество — «пусть подписываются»; читают жители города бессистемно, не видя разницы между Толстым и Вербицкой, Ибсенем и Натом Пинкертоном, предпочитая модные журналы по воздухоплаванию изданиям с общественным и гражданским звучанием; пикники и гулянки с бакалеей, самоварами, прохладительными напитками и даже музыкой нет-нет да и заканчиваются драками «по милому делу»; отсутствие

собственной городской газеты заменяется малограмотными объявлениями на заборах. Даже надписи на кладбищенских памятниках изменились, и на смену словам живым и трогательным, сердечным приходят бездушные, холодные, официально-информативные. «Ни тени, ни искры чувства не видно в них, и ничего они не говорят уму и сердцу» [Сорокин, с. 130], — бросает с упреком автор заметок. Его раздражают перемены, связанные с утратой аутентичности. В результате «устюжанин сейчас ни Богу свечка, ни черту кочерга, так — какая-то смешная мешанина, кот в сапогах» [Там же, с. 129]. Сорокина тревожит обывательское самодовольство этого нового городского типа, готовность жить по меркам мелкотравчатого мещанского существования:

— Мы, устюжане, народ гордый, да так нас и прозвали, кланяться не любим, — говорил мне один устюжанин. — Да и с чего кланяться! Слава Богу, сыты, обуты, одеты, а больше чего и нужно.

Да, да. Обуты, одеты и сыты, чего ж и нужно устюжанину? Разве поспать? Так спи вдоволь. Пуховики и «шахмаченые одеяла» — такие, каких не найдешь нигде [Там же, с. 127].

Анализируемый фрагмент текста сорокинского травелога интересен с точки зрения формирования концептуальных представлений будущего социолога и философа. Повседневная жизнь устюжан оказывается у него пространством столкновения меркантильно-утилитарного, бездуховно-материалистического начала (того, что позже станет связываться у Сорокина прежде всего с понятием «чувственной культуры») и высшего, религиозно-благочестивого, эстетически прекрасного; сиюминутного, потакающего модным поветриям и традиционного, укорененного в национально-культурной почве; эклектически разнородного, а потому безвкусного и пошлого и стилистически выдержанного, интегрированного в единство, гармонически целокупного; поддельного, ложного и подлинного. Будучи позитивистски ориентированным, начитавшийся трудов отечественных и западных сторонников прогресса и эволюции, Сорокин тем не менее подвергает сомнению веру в линейное поступательное развитие общества. Это фиксирует А. Г. Дугин, который подмечает у молодого ученого «критическое отношение к прогрессу, отказ от признания безусловного превосходства современного над древним, будущего над прошлым и настоящим, сомнение в том, что переход к более дифференцированному и технически оснащенному обществу есть само по себе абсолютное благо и единственный predetermined ход линейного развития мировой истории» [Дугин, с. 23–24]. Прогресс, определяемый в сорокинских заметках как «культура», культура в кавычках, не выдерживает верификации с позиции подлинных, настоящих ценностей — истины, добра, красоты, общественной пользы. Для Сорокина важно символическое значение рассматриваемых фактов, явлений и поведенческих действий, выступающих стороной ценностных связей и отношений.

После остановки в Великом Устюге путь Сорокина пролегал дальше также на пароходе через Котлас до Яренска. Описание этого участка маршрута

ознаменовалось появлением зырянской темы и продолжением социальной аналитики современности. Критический взгляд путешественника подмечает многочисленные изъяны российской действительности: от несоблюдения расписания транспортного движения Северным пароходным обществом «Котлас — Архангельск — Мурман», неудобств и переполненности принадлежащего этому «Обществу» пассажирского судна до бедствий и лишений местного населения. Рельефны картины тяжелого труда грузчиков, встречающихся на реке плотогонов. Выразительны зарисовки бесед с подсевшими по пути на пароход зырянами, возвращающимися с заработков на пермских заводах. Сорокина возмущает несправедливость в отношении соплеменников и со стороны властей, с их колонизаторской политикой, и со стороны разных одиозных лиц, готовых обвинять зырян в невежестве, лени и едва ли не глупости, и со стороны заводчиков, нещадно эксплуатирующих дармовую силу инородцев. Обвинительные пассажи в адрес гонителей и притеснителей зырян звучат публицистически заостренно, как революционная пропаганда⁸:

Полное отсутствие каких бы то ни было гигиенических условий, работа в продолжение всей зимы по пояс в снегу, ночевки в наскоро сделанных лесных баньках, питание гнилыми продуктами, продаваемыми заводом же втридорога, постоянные штрафы за каждую мелочь, сводящие «на нет» весь заработок человека, а иногда заставляющие его и впадать в долги, — вот, кратко говоря, условия работы на пермских заводах [Сорокин, с. 130].

Разоблачение отрицательных явлений осуществляется как в форме прямых недвусмысленных оценок (о соседях-пассажирах: «Разговоры какие-то нудные, скучные» [Там же, с. 129]; о мнениях сторонников несостоятельности и неполноценности коми-зырян: «...все эти объяснения представляют попросту один абсурд и незнание дела» [Там же, с. 130]), так и с помощью иронических кавычек (о некомпетентных участниках Печорской экспедиции: «открыватели» [Там же]; о таком ведении лесного хозяйства, которое приводит к уничтожению леса: «рациональное» [Там же, с. 134]), насмешек и саркастических замечаний (о российской действительности: «...всё у нас само идет, но... только часто стоит на месте, а частенько... и раком пятится» [Там же, с. 136]; о переполненности парохода пассажирами: «Вали сколько есть народу, укладывая его один на другого, как поленья, чего тут церемониться! — И укладывают, и валят...» [Там же, с. 131]), а также экспрессивно-образных средств высказывания, косвенно выражающих авторское отношение к изображаемому («Повсюду *распластались* человеческие тела и спали *тяжелым, кошмарным* сном» (курсив мой. — *И. В.*) [Там же, с. 136]). Негодование пишущего дополняется увещеваниями и мольбами, свидетельствующими о его христианском гуманизме, сочувствии к страданиям простого люда:

---

⁸ Что неудивительно, ибо за плечами П. Сорокина к этому времени уже была революционная агитационно-пропагандистская работа в годы первой русской революции и опыт трехмесячного политзаключения в Костромской губернии.

«Пощадите же немного людей! Ведь они хоть и не в котелках и без манжет, но все же созданы по “образу и подобию Божию”!» [Сорокин, с. 131].

Конструктивно значимыми для развития зырянской темы и перевода ее в этнографическое русло, что станет в дальнейшем основой предметно-тематической сюжетики травелога, являются встреча на пароходе и беседа с венгерским ученым Д. Фокош-Фуксом, едущим изучать язык и фольклор коми-зырян. В разговор двух энтузиастов-этнографов о судьбах зырянского языка вклиниваются сторонники его вытеснения и тотальной русификации коми населения — священник и «тучный и полный» чиновник. «Какой контраст! — возмущается Сорокин. — С одной стороны, человек, приезжающий сюда за тысячи верст специально для изучения языка, восхищающийся им, а с другой — пара людей, живущих среди этого же народа и старающихся уничтожить его язык!» [Там же, с. 135].

Параллельно социально-психологическим наблюдениям и критическим замечаниям автора развивается тема природы. Мелкие точечные пейзажные детали все чаще сменяются развернутыми зарисовками окружающего ландшафта:

А пароход шел да шел. Синее небо безмятежно обнимало землю, и земля, молчаливая, полная сладкой неги, покоилась в его объятиях. Прибрежные кусты и луга заснули сладким сном грезы и очарования. Яркая вечерняя заря купалась в теплых и нежно-чистых струях Вычегды, а она лежала застывшая, блестящая жизнью и полная каких-то тайн. Пароход врезался в зеркальную гладь и разбивал ее, оставляя после себя волнующийся треугольник, переходящий потом в мелкую рябь [Там же, с. 131–132].

Это и подобные описания свидетельствуют о том, что природа является для путешествующего пространством положительных ценностей. Сорокин со всей очевидностью противопоставляет ее миру человеческого несовершенства: «Берега вырастали и отходили назад, и вся эта картина как-то не мирилась с тем, что делалось кругом. На великой красоте и безмятежном спокойствии природы резче выделяются темные пятна человеческой жизни» [Там же, с. 132].

После Яренска начинается движение по коми-зырянской земле. Сорокин заезжает в села, где прошло его детство, и едет дальше на Удору. Мелькают названия больших деревень и малых населенных пунктов. В отдельных поселениях этнограф останавливается, иногда на несколько суток, и собирает материал: слушает и записывает песни, предания, рассказы местных жителей, некоторые цитирует. Встречаются описания быта зырян, их обычаев, свадебных обрядов. Сорокин не скрывает теплого отношения к зырянам, высоко оценивая их личные и национально-коллективные качества. Его поразило, например, «богатство знаний» «маленькой художницы» Павлы из Римби:

Тихо и плавно полилась речь, и я с восхищением смотрел на эту маленькую поэтессу с синими глазами, образно и художественно рисовавшую мне причудливые миры с богатырями, лешими, колдунами и т. д. А она забыла уже всякое стеснение, вся ушла в рисуемый ею мир и играла неподражаемо тех героев, про которых она рассказывала [Там же, с. 138].

Восхитил художественный дар старца Пукоева и других замечательных рассказчиков:

А Пукоев — слепой, как древний Гомер, — плавно и художественно рисовал сказочные миры и рассказывал про древних героев: про Патрака, про ярана, про знаменитого юриста Балина, ходившего к самому Николаю Первому, и др. <...> Слушать этих старых сказочников — величайшее художественное наслаждение! Приходится прямо удивляться стильности и красоте их языка, который, к сожалению, я не могу передать по-русски [Сорокин, с. 142].

Сорокин отмечает перемены в жизни зырян, связанные с их восприимчивостью к новому:

Когда я ехал на Удору, то думал, что здесь старинных форм быта сохранилось несравненно больше, чем в других районах <расселения> зырян. Однако оказалось, что мои ожидания были правильны только отчасти. Народ почти поголовно, особенно начиная с Кослана, говорит по-русски, малыши также поголовно грамотны, холст почти совершенно вытеснен ситцем, большая часть домов построена по-городски, — одним словом, Удора в смысле культурности едва ли не выше всех других зырянских районов [Там же].

Но Сорокин по-прежнему обращает внимание и на издержки прогресса, культуру в кавычках. Он фиксирует «пятна культуры» в случаях ушкунничества, пьяных драк по праздникам с использованием «ножей, топоров, поленьев» и объясняет их наличие историческими условиями, дурным влиянием:

Несомненно, эти факты — явления переходной эпохи, переживаемой теперь зырянами. Имея склонность к подражанию, зыряне познакомились с «культурой» на отхожих промыслах, переняли кое-что из «культуры». Лишившись старых устоев и старой почвы и не успев еще выработать новых основ, они почувствовали (как это и всегда бывает), что «всё позволено» [Там же, с. 139].

Как истинный просветитель, Сорокин полагает, что «вылечить от этой болезни удастся... не иначе как через школы и развитие знания» [Там же].

Итак, «Пестрое кружево» Питирима Сорокина представляет собой описание его поездки в Удору и ход выполнения экспедиционного задания по сбору этнографического материала. Канву событий, хронологический порядок встречающихся явлений и фактов определял маршрут передвижения, однако это не умаляет активной роли автора-нарратора, который, воспроизводя обстоятельства и детали поездки, попутно размышляет и высказывает свое отношение к увиденному. Фигура путешествующего, наблюдающего действительность, фиксирующего ее особенности и оценивающего автора является конструктивно значимой. Сорокин стремится к достоверности и объективности, показывая достоинства и недостатки быта, мироустройства земляков. В его рассказе сплетаются география, история, политика, этнология и фольклор, а рефлексия обретает черты то нравоописательного очерка, то иронического фельетона, то публицистического эссе. Форма «я-повествования» позволяет объемно

и укрупненно репрезентировать личность автора — образованного интеллигента, эмоционально сочувствующего социальным низам, трудовому люду, любящего свой народ, критикующего недостатки общества, наслаждающегося видами родных мест, красотой природы.

«Пестрое кружево» проявляло две стороны личности автора: интерес к этнографии, жизни простого народа Севера и прежде всего коми-зырян и общественную активность, которая в скором времени приведет Сорокина в гущу революционной борьбы, побудит заняться политической деятельностью.

Источники

Сорокин П. А. «Пестрое кружево» (Дорожные впечатления) // Сорокин П. А. Ранние сочинения: 1910–1914 годы / сост., вступ. ст. В. В. Сапова, коммент. В. В. Сапова и С. Н. Казакова. СПб. : Мирь, 2014.

Исследования

Беглые взгляды: новое прочтение русских travelogов первой трети XX века : сб. ст. / [сост., отв. ред. В.-С. Киссель, Г. А. Тиме ; пер. с нем. Г. А. Тиме]. М. : Новое лит. обозрение, 2010.

Бондарева А. Литература скитаний // Октябрь. 2012. № 7. С. 165–169.

Голосенко И. А. Сорокин П. А.: судьба и труды. Сыктывкар : Коми кн. изд-во, 1991.

Дойков Ю. Питирим Сорокин. Человек вне сезона. Биография. Т. 1 : (1889–1922). Архангельск : [б. и.], 2008.

Дойков Ю. Питирим Сорокин. Человек вне сезона. Биография. Т. 2 : (1922–1968). Архангельск : [б. и.], 2009.

Дугин А. Г. Консервативная парадигма и критика теории прогресса в социологии Питирима Сорокина: актуальность для современной России // Вестн. Моск. ун-та. Сер. 18 : Социология и политология. 2010. № 1. С. 22–30.

Зюев Н. Ф. Философия Питирима Сорокина. Сыктывкар : Эскöm, 2004.

Канев С. Н. Путь Питирима Сорокина. Сыктывкар : Коми кн. изд-во, 1990.

Лепехин И. И. Продолжение дневных записок путешествия Ивана Лепехина по разным провинциям Российского государства в 1771 году. Ч. 3. СПб. : Тип. Имп. Акад. наук, 1780. С. 271–296.

Лепехин И. И. Отступление о Зырянах // Лепехин И. И. Дневные записки путешествия доктора и Академии Наук адъюнкта Ивана Лепехина по разным провинциям Российского государства в 1772 году. Ч. 4. СПб. : Тип. Имп. Акад. наук, 1805. С. 372–419.

Лимерова В. А. «Путевые заметки от Усть-Сысольска к Вишерскому селению» А. Попова как жанровая модель travelogа в коми словесности XIX в. // Филол. науки. Вопр. теории и практики. 2008. № 1 (1) : в 2 ч. Ч. 1. С. 119–123.

Липский А. В., Кротов П. П. Зырянский след в биографии Питирима Сорокина // Социол. исследования. 1990. № 2. С. 117–134.

Литература путешествий: культурно-семиотические и дискурсивные аспекты : сб. науч. ст. / под ред. Т. И. Печерской. Новосибирск : Гаудеамус, 2013.

Майга А. А. Литературный travelog: специфика жанра // Филология и культура. 2014. № 3. С. 254–259.

Мамуркина О. В. Travelog в русской литературной традиции: стратегия текстопорождения // Филол. науки. Вопр. теории и практики. 2013. № 9 (27). Ч. 2. С. 110–113.

Меняева М. П. П. А. Сорокин: жизнь, судьба и творчество. Челябинск : Челяб. гос. акад. культуры и искусств, 2005.

Русский travelog XVIII–XX веков / под ред. Т. И. Печерской. Новосибирск : Изд-во НГПУ, 2015.

- Русский травелог XVIII–XX веков: маршруты, топосы, жанры и нарративы / под ред. Т. И. Печерской, Н. В. Константиновой. Новосибирск : Изд-во НГПУ, 2016.
- Сергеева Т. Б. Питирим Александрович Сорокин — социолог образования. М. : Илекса, 2004.
- Тихонова В. А. Социология П. А. Сорокина. М. : Моск. гос. ун-т культуры и искусств, 1999.
- Федорович И. В., Шеболкина Е. П. Этноментальные истоки и проблема актуализации творчества П. А. Сорокина // Наследие. 2011. Вып. 1. С. 204–213.

References

- Bondareva, A. (2012). *Literatura skitanij* [Literature of Wanderings]. *October*, 7, 165–169. (In Russian)
- Doykov, Yu. (2008). *Pitirim Sorokin. Cheloviek vne sezona: biografija* [Pitirim Sorokin. A Man out of Season: A Biography] (Vol. 1 : 1889–1922). Arkhangelsk. (In Russian)
- Doykov, Yu. (2009). *Pitirim Sorokin. Cheloviek vne sezona: biografija* [Pitirim Sorokin. A Man out of Season: A Biography] (Vol. 2 : 1922–1968). Arkhangelsk. (In Russian)
- Dugin, A. G. (2010). Konservativnaia paradigma i kritika teorii progressa v soziologii Pitirima Sorokina: aktualnost dlia sovremennoi Rossii [Conservative Paradigm and Criticism of the Theory of Progress in the Sociology of Pitirim Sorokin: Relevance for Modern Russia]. *Vestnik Moskovskogo universiteta. Seriya 18. Soziologia i politologiya*, 1, 22–30. (In Russian)
- Fedorovich, I. V., & Shebolkina, E. P. (2011). Etnomentalnye istoki i problema aktualizacii tvorchestva P. A. Sorokina [Ethnomatic Sources and the Actualisation of P. A. Sorokin's Creative Work]. *Nasledije*, 1, 204–231. (In Russian)
- Golosenko, I. (1991). *Sorokin P. A.: sudba i trudy* [P. A. Sorokin: Life and Works]. Syktyvkar: Komi knizhnoe izdatelstvo. (In Russian)
- Kanev, S. N. (1990). *Put' Pitirima Sorokina* [The Path of Pitirim Sorokin]. Syktyvkar: Komi knizhnoe izdatelstvo. (In Russian)
- Kissel, V.-S., & Time, G. A. (Comp.). (2010). *Bieglyje vzgliady: novoje prochtienije russkikh travelogov pervoj treti dvadtsatogo veka: sbornik statej* [Fugitive Views: A New Interpretation of Russian Travelogues in the First Third of the 20th Century: A Collection of Articles]. Moscow: Novoe literaturnoe obozrenie. (In Russian)
- Lepekhin, I. I. (1780). *Prodolzhenije dnevnykh zapisok putieshestviia Ivana Lepekhina po raznym provincijam Rossijskogo gosudarstva v 1771 godu* [The Continuation of the Daily Notes of Ivan Lepekhin's Journey to Different Provinces of the Russian State in 1771] (Pt. 3, pp. 271–296). St Petersburg: Tip. Imp. Akad. Nauk. (In Russian)
- Lepekhin, I. I. (1805). *Ostuplienije o zyrianarh* [A Digression on Zyryans] In I. I. Lepekhin, *Dnevnye zapiski putieshestviia doktora i Akademii nauk adjunkta Ivana Lepekhina po raznym provintsijam Rossijskogo gosudarstva v 1772 godu* [Daily Notes of the Journey of Doctor and Adjunct of the Academy of Sciences Ivan Lepekhin to Different Provinces of the Russian State in 1772] (Pt. 4, pp. 372–419). St Petersburg: Tip. Imp. Akad. Nauk. (In Russian)
- Limerova, V. A. (2008) "Putievye zamietki ot Ust-Sysolska k Visherskomu sielieniju" A. Popova kak zhanrovaja model' traveloga v komi slovesnosti XIX v. ["Travel Notes from Ust-Sysolsk to Visherskoe Settlement" by A. Popov as a Genre Model of the Travelogue in the Komi Literature of the 19th Century]. *Filologicheskie nauki. Voprosy teorii i praktiki*, 1 (1) (Pts. 1–2), Pt. 1, 119–123. (In Russian)
- Lipsky, A. V., & Krotov P. P. (1990). Zyrianskii sled v biografii Pitirima Sorokina [The Zyryan Trace in the Biography of Pitirim Sorokin]. *Soziologicheskie issledovaniia*, 2, 117–134. (In Russian)
- Maiga, A. A. (2014). Literaturnyj travelog: spiezifika zhanra [Literary Travelogue: Peculiarities of the Genre]. *Filologija i kultura*, 3, 254–259. (In Russian)
- Mamurkina, O. V. (2013). Travelog v russkoj literaturnoj tradicii: strategija tekstoporozhdenija [Travelogues in the Russian Literary Tradition: The Strategy of Text-generation] *Filologicheskie nauki. Voprosy teorii i praktiki*, 9 (27), Pt. 2, 110–113. (In Russian)

- Menyaeva, M. P. (2005). *P. A. Sorokin: Zhizn', sud'ba i tvorchestvo* [P. A. Sorokin: Life, Destiny and Creative Work]. Chelyabinsk: Chelyabinsk State Academy of Culture and the Arts. (In Russian)
- Pecherskaya, T. I. (Ed.). (2013). *Literatura putieshestvij: kulturno-simeoticheskiye i diskursivnyye aspekty* [The Literature of Journeys: Cultural-Semiotic and Discursive Aspects]. Scholarly articles. Novosibirsk: Gaudeamus. (In Russian)
- Pecherskaya, T. I. (Ed.). (2015). *Russkij travelog XVIII–XX vekov* [Russian Travelogue of 18th–20th Centuries]. Novosibirsk: NGPU Press. (In Russian)
- Pecherskaya, T. I., & Konstantinova, N. V. (Eds.). (2016). *Russkij travelog XVIII–XX vekov: marshruty, toposy, zhanry i narrativy* [18th–20th Centuries Russian Travelogue: Routes, Topoi, Genres, and Narratives]. Novosibirsk: NGPU Press. (In Russian)
- Sergeeva, T. B. (2004). *Pitirim Aleksandrovich Sorokin – sotsiolog obrazovaniya* [Pitirim Aleksandrovich Sorokin, a Sociologist of Education]. Moscow: Ileksa. (In Russian)
- Tikhonova, V. A. (1999). *Sotsiologiya P. A. Sorokina* [The Sociology of P. A. Sorokin]. Moscow: Moscow State University of Culture and Arts. (In Russian)
- Zyuzev, N. F. (2004). *Filosofiya Pitirima Sorokina* [Pitirim Sorokin's Philosophy]. Syktyvkar: Eskem. (In Russian)

Васильев Игорь Евгеньевич

доктор филологических наук, профессор
кафедры русской и зарубежной литературы
Уральский федеральный университет
620000, Екатеринбург, пр. Ленина, 51;
ведущий научный сотрудник
сектора истории литературы
Институт истории и археологии УрО РАН
620990, Екатеринбург, ул. С. Ковалевской,
16
E-mail: igus.w@yandex.ru

Vasilyev, Igor Yevgenyevich

Dr. Hab. (Philology), Professor
Department of Russian and Foreign Literature
Ural Federal University
51, Lenin Ave., 620000, Yekaterinburg, Russia;
Leading Researcher
Department of the History of Literature
Institute of History and Archaeology,
Ural Branch of RAS
16, Kovalevskaya Str., 620990 Yekaterinburg,
Russia
Email: igus.w@yandex.ru
ORCID: 0000-0001-9517-5855
Scopus ID: 57194770912